

Евгения Буркова
аспирантка кафедры мировой литературы
Одесского национального университета имени И.И. Мечникова

ТВОРЧЕСКАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ ПИСАТЕЛЯ В КРИТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ Л. ШЕСТОВА

Литературно-критическое наследие Л. Шестова непосредственно связано с русской классической литературой XIX века, сыгравшей значимую роль в становлении его мировосприятия. Наиболее значимыми в произведениях писателей XIX века он считал проблемы сознательного и бессознательного, веры и знания, быта и бытия.

На наш взгляд, литературная критика Л. Шестова является религиозно-философской и продолжает традиции философской критики начала XIX века. Многообразие русской литературы заключается, с точки зрения критика, в её внимании к человеку, его взаимосвязях с миром. Русская литература интересна Л. Шестову "безудержностью неповторимого, случайно и единственно случившегося" [14, с. 18]. «Музыка и призраки» - так метафорически обозначает критик русскую литературу XIX века, в центре которой - мир трагической реальности. Открытость души русского писателя является в концепции литературы Л. Шестова единственно возможным условием для того, чтобы стать носителем божественного откровения. Именно поэтому русская литература занимает в критической интерпретации Л. Шестова особое место. Её назначение он видит в преображении бытия. Следовательно, миссия писателя является пророческой. Писатель, по мнению Л. Шестова, становится медиатором между человечеством и Богом. В одной из первых работ «Шекспир и его критик Брандес» Л. Шестов указывает, что художественный мир произведения русского писателя максимально полно и глубоко раскрывает психологию человека. «Странствуя» (термин

Л. Шестова) по произведениям русской классической литературы XIX века, Л. Шестов обращает внимание на трудности, которые возникают перед писателем при поиске ответов на вечные вопросы, на неудовлетворённость художника при их решении, что приводит к драме жизни, творчества и экзистенциальному кризису. Этот внутренний кризис наиболее очевиден в трагедиях и муках творчества, через которые прошли Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой и др. Истоки творчества Л. Шестов ищет в библейских, мифологических, архетипических началах, которые являются сущностью множественных авторских миров. Более того, заметим, что Л. Шестова интересовала проблема «перерождения убеждений» у русских писателей, поскольку в моменты поиска себя и своих ценностно-смысловых ориентиров художник раскрывает самое главное и сокровенное в своей душе. Так проявляется интересубъективность критика.

В концепции Л. Шестова очевидно выделение двух групп творческой индивидуальности писателя: гармонической и дисгармонической.

В системе, предложенной Л. Шестовым, ведущим выступает тип личности, созданный писателем. Хронологический аспект критик не учитывает, поэтому в один ряд попадают, например, А. Пушкин и И. Тургенев, а А. Чехов стоит в одном ряду с Н. Гоголем. Анализируя подход Л. Шестова к художественному миру писателя, необходимо учитывать особую установку критика, некий «горизонт ожидания» как комплекс его эстетических, социокультурных, психологических представлений, определяющих отношение писателя к быту и бытию, а также значимость читателя. «Горизонт ожидания» читателя, по мнению Л. Шестова, формируется, с одной стороны, собственно-литературными факторами (известными читателю литературными нормами, с другой – внелитературными (в широком смысле – это жизненный опыт читателя). В этом плане критик близок рецептивной теории Г. Яусса, в которой история литературы предстаёт как история рецепций, восприятий читателем текстов, в результате - данные тексты приобретают онтологический статус.

Отметим также, что принципиальными установками Л. Шестова при анализе произведений русской классической литературы XIX века стали «исследовательская честность, бесстрашие, адогматизм, свобода мыслей и суждений, алогичность, асистемность, парадоксализм, иррациональность»[6, с. 35]. Указанные установки позволяли Л. Шестову рассмотреть художественный мир писателя как противоречивый и неоднозначный "спутник" собственных критических интерпретаций.

.....

Русская литература XIX века интересовала критика и в связи с антропологическими проблемами: человек как часть и центр бытия, онтологическая сущность человека и его существования, человек и его душа как средоточие экзистенциальных поисков. Гармоничный художник, по мнению критика, выражает в творчестве целостную картину мира, характеризующую глубиной завершенности, определённой, чёткой системой ценностно-смысловых ориентиров. Это писатель или поэт, в творчестве которого не произошла **резкая** смена мировоззрения, радикальный перелом в сознании, ощущения на-границе гибели. Л. Гарнашинская в статье "Літературна антропологія" определяет тип гармоничного художника как личности, которая представляет вместилище культуры и культурных кодов.

Раздвоенный, противоречивый тип художника более интересен Л. Шестову, поскольку представляет собой личность трагическую, сложную, мятущуюся, которая никогда не осознает себя до конца и постоянно меняется. Структуру данной личности можно представить как диалогическую. Диалогичность осуществляется во внутренних беседах с собой, с Богом, персонажами и читателем. Т. Дзысь в статье «Антропологічні виміри методології міжлітературної рецепції» характеризует такую личность не просто как сумму черт, признаков, примет

в их изменчивости и взаимопереходах, а как особую систему, как «людинознавчу ситуацію, ...виміри, закорінені у феномені людини, що відіграють роль вирішальних культурних чинників, що зумовлюють спосіб людського буття... Вони є визначальними формами самоідентифікації митця як культурної істоти» [3, с. 49].

Л. Шестов полагает, что самоидентификация писателя, которая происходит через постижение трагической сущности мира и бытия, делает его особым в истории культуры. Интересным, с нашей точки зрения, является замечание Н. Малания, высказанное в статье «Екзистенційна ситуація відчуження як антропологічна проблема» о том, что для критиков конца XIX – начала XX вв. характерен интерес к автобиографическим элементам в произведениях писателей как к опыту пережитой собственной отчужденности, что обостряет в их статьях о литературе психологическое начало, актуализирует интерес к пограничным состояниям персонажей, к их отношениям с Богом, к утрате ценностно-смысловых ориентиров и в конечном итоге – к смерти как «найгострішого вираження відстороненого та відчуженого стану світу і людини» [8, с. 84].

Объединяет различные типы художников (гармоничный и раздвоенный), по мнению критика, результат творчества, который представляет собой «культурный текст и содержит память эпохи, сознания и подсознания писателя, его биографии» [2, с. 84] и др. Кроме того, вся русская классическая литература XIX века связана, с точки зрения Л. Шестова, с соединением текста и читателя, что формирует особую экзистенцию произведения, его "смыслотворение" (В. Тьюпа), возникающего вновь и вновь при чтении. Первым художником, в произведениях которого критик отмечает данное явление, становится А. С. Пушкин.

Укажем на следующий факт: А. Пушкину в критическом сознании Л. Шестова отводилась роль метакультурная. В личности поэта критик видел знаковую фигуру не только для последующего развития русской литературы, но и для европейской духовной жизни в целом. Главной заслугой

А. С. Пушкина является то, что он примирил крайности и противоречия, показав тем самым читателю путь к гармонии с миром. Пушкинский идеал гуманности «приняла и усвоила вся русская литература». Именно с него, по мнению критика, русская культура перестаёт ориентироваться на западноевропейские образцы и модели и создаёт «свою» литературу: «...не так давно при слове «литература» наша мысль невольно обращалась к Западу... Теперь люди западной культуры с удивлением и недоумением идут к нам, своим вечным ученикам» [13, с. 27]. Е. Черноиваненко в исследовании «Литературный процесс в историко-культурном контексте» отмечает, что «...литературный процесс...в эпоху европеизации (вторая половина XVII – начало XIX в.) поражает тем, что кажется никак не обусловленным и даже вовсе не связанным с социально-историческим развитием России» [13, с. 108]. В критической интерпретации Л. Шестова А. Пушкин является первым в русской литературе, открывшим миру индивидуальность, способную решить вечные вопросы. В этом плане важна идея Л. Шестова о том, что А. Пушкин представляет некий культурный феномен, развивающийся по архетипической модели.

Объектом внимания критика являются, прежде всего, такие произведения А. Пушкина, в которых очевидно видение страшных поворотов человеческой судьбы, погружения человека на дно опыта трагедии. При этом, с точки зрения Л. Шестова, не происходит распада личности и самоуничтожение, а трагический опыт трансформируется во внутреннюю духовную силу. Это происходит в сюжетной сфере «Бориса Годунова», «Моцарта и Сальери», «Капитанской дочки», «Пира во время чумы». В центре данных текстов находится определённый тип личности – с одной стороны, разочарованной, но, с другой стороны, приходящей к духовному равновесию.

Л. Шестов отмечает, что пушкинский сюжет строится как «антагонистическое столкновение противоположных типов сознания, культурных представлений». Для Л. Шестова подобная борьба

противоположных начал является доминантой всей его критической рефлексии, в основе которой - оппозиции «рациональное-иррациональное», «знание-вера», «космос-хаос», которые дают возможность сопоставлять различные типы отдельных художников, личностей, созданных писателем. Так, в «маленькой трагедии» «Моцарт и Сальери» Л. Шестов противопоставляет гения (Моцарта) и «ужаснейшего из преступников» (Сальери). Для критика это два противоположных типа личности, сосуществование которых вместе приводит к гибели одного из них. С одной стороны - это абсолютная демиургическая сила, творящая с лёгкостью гениальные произведения (Моцарт); с другой – глубоко рефлексирующий тип, для которого важно определить своё место в бытии через решение вечных вопросов, через попытки «закрепить» себя в бытии (Сальери). Для Л. Шестова в данном столкновении проявляется борьба двух типов сознания: целостного и деструктивного, раздробленного. Причина убийства заключается, по мнению критика, не столько в зависти Сальери, сколько в абсолютном разочаровании в жизни и вере:

Все говорят: нет правды на земле.

Но правды нет - и выше...

Сальери склоняется перед тайной жизни, он не может разгадать её и не может принять, поэтому уничтожает самую большую для себя парадоксальную загадку – Моцарта. В определённой степени приближается к Л. Шестову А. Белый. В работе «Пушкин А. С. Моцарт и Сальери» писатель отмечает, что небо несправедливо, поскольку «"священный дар" не дан ему [Сальери] в награду за труды, а озаряет голову безумца» [12, с. 19]. А. Белый считает, что в данных строках А. Пушкин отсылает читателя к библейскому сюжету о виноградаре, который заплатил всем нанятым работникам по одному динарию, несмотря на то, что одни работали лишь час, а другие – целый день. Глубокая и трагическая мысль о несправедливости земного и божественного миров освобождает волю Сальери и направляет её в деструктивное русло.

Интересным является тот факт, что для Л. Шестова важным оказывается не бунт Сальери, а его прощение писателем и читателем. В центре «маленькой трагедии», по мнению критика, - оправдательный приговор, выносимый «истерзанной душе Сальери». Особую роль отводит здесь Л. Шестов читателю, который (в соответствии с собственным «горизонтом ожидания») прощает Сальери. Только в таком случае, по мнению критика, возможно существование правды на земле, когда человек возвышается над обыденным осуждением другого, проникает в мир его души, чтобы понять и принять.

А. Пушкин отказался от "власти ключей" (Л. Шестов) – от права проповедовать, судить и миловать с высоты, доступной только мудрецам истины, - он и сумел художественно представить человека не просто изменчивым, но текучим, как жизнь, в которой границы добра и зла, истины и лжи, правоты и виновности слишком зыбки. Феномен А. Пушкина является наиболее значимым в рассуждениях Л. Шестова о гармоническом типе русского художника.

Таким образом, ориентируясь на теоретические работы Л. Шестова «Апофеоз беспочвенности», «На весах Иова», «Афины и Иерусалим» и др., и на интерпретацию критиком творчества русских писателей XIX века («А. С. Пушкин», «Достоевский и Нитше», «Гр. Толстой и Нитше» и др.), возможен вывод о том, что Л. Шестову удалось создать концепцию русской литературы и определить роль творческой индивидуальности писателя, в частности. Очевидно, что Л. Шестову присущ метафизический подход к проблемам культуры, в том числе, и литературы. Критика, прежде всего, интересуется личность писателя в контексте его литературных и эстетических исканий. Оппозиции, используемые Л. Шестовым («рациональное-иррациональное», «знание-вера», «космос-хаос» и т.д.), приводят его к осознанию трагической судьбы русских писателей. В связи с этим возникает

идея о двух типах творческой индивидуальности писателя (А. Пушкин и Ф. Достоевский, Н. Гоголь и Ф. Достоевский, И. Тургенев и А. Пушкин) – гармонической и дисгармонической. Их творческие взаимосвязи определяют системность и целостность русской литературы XIX века.

Список литературы

1. *Бахтин М.* Литературно-критические статьи / М.Бахтин. — М.: Худож. лит., 1986. - 249 с.
2. *Грачёва С.* Отечественная художественная критика / С. Грачёва. - К.: Світ, 2010. - 105 с.
3. *Дзись Т.* Антропологічні виміри методології міжлітературної рецепції / Т. Дзись // Антропологія літератури. – 2009. -№ 5. – С. 85.
4. *Добренко Е.* Критика 1917 - 1932 годов / Е. Добренко. - М.: АСТ, 2003. - 495 с.
5. *Лановик М.* Антропологічні матриці в інтерпретації текстів національних культур / М. Лановик // Антропологія літератури. – 2009. -№ 5. – С. 49.
6. *Лашов В.* Неклассические истины, или Парадоксы Л. Шестова / В. Лашов. — М.: Рос. гуманист, о-во, 2005. - 115 с.
7. *Ловцкий Г.* Шестов по моим воспоминаниям / Г. Ловцкий // Грани. — 1960. — № 45. - 395 с.
8. *Маланій Н.* Екзистенційна ситуація відчуження як антропологічна проблема / Н. Маланій // Антропологія літератури. – 2009. -№ 5. – С. 80.
9. *Поляков С.* Лев Шестов / С. Поляков // Вопросы философии. — М., 2004. — №5. - С.17-19
10. *Раковская Н.* Литературная критика: Проблемы теории и истории / Н. Раковская. — Одесса: Астропринт, 2007. - 324 с.

11. *Тарнашинська Л.* Закон піраміди. Діалоги про літературу та соціокультурний клімат довкола неї / Л. Тарнашинська. К.: Університетське видавництво „Пультари”. -2001.- 264 с.
12. *Черкасова Н.* Литературная критика И. Анненского / Н. Черкасова М.: АСТ, 2011. - 95 с.
13. *Черноиваненко Е.* Литературный процесс в историко-культурном контексте. Развитие и смена типов литературы и типов литературно-художественного сознания в русской словесности XI-XX вв. / Е. Черноиваненко. – Одесса: Маяк, 1997. – 712 с.
14. *Шестов Л.* Апофеоз беспочвенности / Л. Шестов. — М.: АСТ МОСКВА, 1905. - 108 с.